

ТО БЫЛО в декабре. В Ялте шел дождь, я был без зонтика, давно промок и поэтому не обращал никакого внимания на потоки небесной влаги. Вокруг ничего примечательного — пароходы, кафе и запоздалые курортники. Вдруг возле «Ореанды» наткнулся на мосфильмовскую машину. Непросто это, думаю. Быстро беру след и вот я уже возле санатория «Запорожье». Это там, где тротуара почти нет и проходящие автомобили обдают тебя брызгами с головы до ног. И тут, о чудо, я вижу, как навстречу мне идут, как и я без зонтиков, мокрые и унылые, зна-

пленнице», когда надо было пить пиво, он заартачился: «Пиво пить не буду, давайте шиповник». Дали. Он уже пять кружек осушил, когда вдруг девушки, наблюдавшие за сьемкой, засмеялись.

— Какое же это пиво! Пены-то нет.

И в самом деле. Какой же зритель поверит, что пиво бывает без пены. Пока режиссер ломал голову, оператор чертыхался, актеры молчали. Но как только наступила тишина, Никулин робко произнес:

— А можно в шиповник положить белой ваты, будет, как пена.

ворят, что в театр вас привела любовь к изобразительному искусству. Есть тут какая-то связь?

— Очевидно, в любом виде искусства есть возможность выразить себя. В далеком 1934-м театр мне показался ближе. Пошел учиться в театральное училище, затем в студию Николая Павловича Хмелева, стал играть классику. Впоследствии я оказался в театре имени Ермоловой. Вплоть до 1969 года играл в театре и снимался в кино, а затем перешел в театр киноактера.

Интересно, что в молодости мне часто приходилось играть в театре древних стариков, а в кино героев, которые были моложе меня. Теперь почему-то играть стариков уже не тянет...

— Вы ведь еще достаточно молоды, — успокоил я его.

— Конечно. Всего 62, — съязвил подошедший Моргунов.

Такое мне в голову прийти не могло. Подтянутый, подвижный, он никак не вязался с нашим представлением о шестидесятилетних. Я ему это высказал.

— Правильно, — согласился он. — Не в пример некоторым не пью, не перепадаю, делаю зарядку, смеюсь. По-моему, смех способствует пищеварению. Люди обычно жиреют от отсутствия юмора.

Моргунов мгновенно начал улыбаться.

— А помнишь, как ты играл женщину? — перешел Вицин в наступление. — Мне такой роли не предлагали.

Евгению Александровичу пришлось сознаться, как в фильме «Морские рассказы» перевоплотился в особу слабого пола. Решив проверить себя, пошел в женском наряде вместе с Никулиным в парк имени Горького. Вначале все шло хорошо. Но вот подбежал мальчишка и, глядя Моргунову в глаза, спрашивает: «Тетя, а почему у тебя руки такие волосатые?» Слава богу, никто не слышал. Пошли дальше. И вот навстречу выходит улыбающийся мужчина и прямо к Никулину: «Представляешь, тебя не узнал, а жену твою сразу узнал. Вот и подошел».

Вицин смеется, Моргунов тоже улыбается. Я не знаю, что делать. А вдруг это розыгрыш, как на 1 апреля?

Перевожу разговор на другую тему.

— Евгений Александрович! А как вам в «Кавказской пленнице» делали укол?

— Так и знал, что вы спросите. Все об этом спрашивают. Делали просто. Между мной и окном (помните, я лежал у окна) поставили табуретку с подушкой. Со стороны ее не было видно, а когда иглу шприца вонзили в подушку, а я чуть вздрогнул на плечке, все получилось натурально. Подумайте сами, если бы мне на самом деле сделали такой укол, мог бы я сейчас гулять с вами?

Я посмотрел на его плотную фигуру и подумал, что вполне бы мог. Но вслух этого не сказал. Еще обидится.

Между тем дождь перестал. Небо очистилось от серых облаков, чаще стали попадаться прохожие. Очень хотелось встретить знакомого — пусть видит, в какой я компании. Но откуда было ему взяться, если я был в Ялте всего два раза, да и то директором. Со страхом подумал: сейчас уйдут мои собеседники, а у меня не останется никаких доказательств нашей встречи. Отчаявшись, придумал хитрый ход.

— Георгий Михайлович, а правда, что вы до сих пор увлекаетесь лепкой, живописью?

— Да, это то, что дает мне возможность отдохнуть, возвращает к молодым годам. Я рад, что моя дочь унаследовала склонность к рисованию. Хочу надеяться, что она пойдет дальше меня. Учился в институте имени Сурикова и по утверждениям педагогов — талантливая художница.

— Ага, — думаю, — такой разговор мне очень кстает. Вслух же говорю: — А не могли бы вы нарисовать самого себя, так сказать, в качестве сувенира?

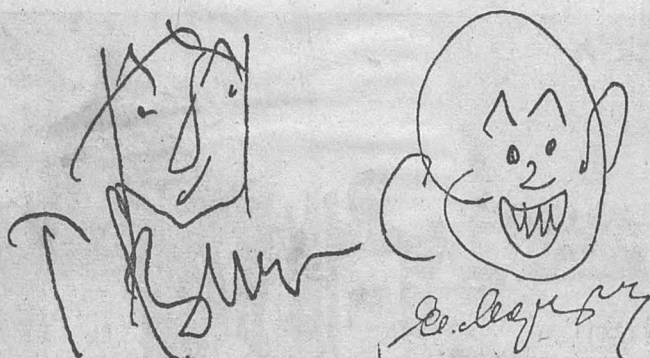
— Пожалуйста. Вицин одним росчерком выводит в моем блокноте свой автопортрет, вместе с автографом. Смотрю, и Моргунов достает свою ручку. Ему нужна площадка побольше, и я перевооружаю страницу. Отлично. Теперь доказательства того, как я был третьим, налицо. Или на лице?

Вицин еще рассказывает, как он играет пышного портного в советско-финской картине «Зачищаем», а я уже предвкушаю, какое вызову удивление у всех знакомых, когда покажу свой блокнот.

На днях я вернулся в Киев. Иду мимо цирка, смотрю, афиша: Никулин уже здесь. Ну, думаю, вовремя успел я побывать третьим. Мало ли что Гайдай может прийти в голову.

Все это придумал, увидел и записал М. РЕТНИВ.

Знакомства и встречи

Как я был третьим у Г. ВИЦИНА и Е. МОРГУНОВА

менитые на всю страну похитители кавказской пленницы и участники известной операции «Ы» Георгий Вицин и Евгений Моргунов.

Забыв поздороваться, громко спрашиваю:

— А как же насчет третьего?

Они озираются по сторонам, вроде ищут подходящую вывеску. А ведь я про Никулина спрашивал.

— Ах, Юра! Так ведь откололся. Может, в Псков подался, а может быть — в Париж. Цирк дело хлопотное.

— Тогда возьмите меня в компанию, — обрадовался я.

— Давай.

И мы пошли втроем по мокрому асфальту. В какой-то момент мне показалось, что за нами бежит пес Барбос. Но, присмотревшись, я понял, что это другая собака. Она искала знакомства.

Почему бы и мне не начать с этого?

— Евгений Александрович! Все, что мы, кинозрители, знаем о вас, характеризует вас, как бы это мягче сказать, не с лучшей стороны. Может быть, вы не виноваты, но вас просто оказали дурное влияние товарищи?

— Вот именно. Когда Гайдай задумал вместе со Степаном Олейниковым перенести на экран фельетон о браконьерах, тропка виделась ему в таком составе: Георгий Вицин, Михаил Жаров и Сергей Филиппов. Первым запротестовал Жаров. «Что это, буду я вам бегать по полям, прыгать с деревьев, — заявил он. — Возьмите Моргунова. Он и моложе, и смешнее».

Сергей Филиппов, который окончил эстрадно-цирковое училище, вместе с умением крутиться на сцене неплохо овладел и другими приемами. «Не могу сниматься, срочно выезжаю в Новгород — тетка под трамвай попала», — схитрил он. Может быть, у него и была тетка в Новгороде, но, как мы позже узнали, трамвай в этом городе сроду не было.

Место Филиппова Вицин привел Никулина, которого увидел в цирке. «Любит петь и играть, на гитаре, трудно говорить», — отрекомендовал он будущего Балбеса. Гайдай снизошел.

Теперь вы прекрасно видите, что все происшедшее со мной от меня не зависело.

Воспользовавшись тем, что Вицин остановился, чтобы завязать шнурок на ботинке, шепотом спрашиваю:

— Ваш коллега тоже, видать, хорош?

— У-у. Только он в этом не признается. В «Кавказской

Но тут и сам Вицин вступает в разговор:

— Шестая кружка не полезет, хоть с ватой, хоть без ваты.

При такой ситуации я не удержался:

— пей меньше, — говорю, — больше выпьешь.

Ничего не осталось нашему трезвеннику, как подчиниться режиссеру. Шестой дубль оказался главным.

Посмотрел в ту сторону, где мы оставили Вицина, а он уже бежит к нам, догоняет.

— Ну что еще вы о нем знаете, — тороплю я Моргунова, — Быстрее.

— Ну, рисовать любит. Мы его иногда называем Леонардо да Винчи. Ему это нравится. Морщится, когда услышит менее лестные отзывы. Ну, например: «А вот и Змеевщина пришел!».

На этом разговор пришлось прервать, так как мы опять были втроем. Чтобы не вызвать никаких подозрений, невинно спрашиваю:

— А что вас сюда привело, можно сказать, в разгар зимы?

— Искусство не знает сезонности, — простодушно ответил Вицин. — Снимаемся в фильме «Комедия давно минувших лет». Это скорее альманах комедийных лент с участием Ильинского, Кторов, Орловой, Филиппова, Быкова, Этуша, Гомиашвили. Чтобы связать отдельные отрывки, режиссер придумал вставки, в которых мы и снимаемся.

Справа по ходу плескалось море, стаи бакланов, качаясь на волнах, привычно охотились. Моргунов остановился. Он любил рыбу и завидовал бакланам.

— Любит поесть, — подмигнул мне Вицин, — гурман страшный. Его счастье, что подвижный. Привык рано вставать, хозяйственный такой. Из него бы хороший директор мог получиться, если бы ВГИК не попутал.

— А вы действительно выпить любите?

— Что вы, я ведь в рот не беру и другим не советую. Что люблю, так это наблюдать за пьяными. Как-то в Мурманске увидел пьяного моряка. Он все ходил вокруг столба, пытался причесать свою густую шевелюру. Только запрокинет голову, и тут же теряет равновесие, хватается за столб. Так и не удалось ему привести в порядок прическу. Этот подсмотренный эпизод я позже повторил в кинофильме «Моя судьба». Если бы сам выпивал, вряд ли смог бы все это по-настоящему увидеть. Да к тому же пьющие актеры стесняются играть пьяных. Засмеют. Свои же.

— Георгий Михайлович! Го-